

**Аллен Р. От фермы к фабрике.
Новая интерпретация советской промышленной революции**
М.: РОССПЭН, 2013. — 390 с.

Роберт Аллен — профессор экономической истории Оксфордского университета — много писал об экономическом развитии в разных странах, прежде всего в родной Англии. Примерно 20 лет назад он решил заняться изучением истории СССР и начал учить русский язык. Рецензируемая книга вышла на английском языке в 2003 г. и спустя десять лет опубликована в России. Она произвела сенсацию, так как автор подверг сомнению целый ряд принятых в западной историографии положений.

Используя свои обширные знания, Аллен делает интересные, хотя и не бесспорные, выводы. Так, в противоположность распространенному мнению, что царская Россия обладала потенциалом быстрого развития, он утверждает: «Политика царской России не позволяла заложить фундамент быстрого развития, перехода к капиталистическому курсу» (С. 31). Автор мотивирует это отсутствием в стране необходимых предпосылок капиталистического развития, к которым относит, ссылаясь на теоретические исследования, наличие таких институтов, как невмешательство государства в дела бизнеса, соблюдение законов, независимое гражданское общество. Такие предпосылки отсутствовали, по его словам, не только в России, «их не было — или до сих пор нет — и в большинстве других стран мира» (С. 29).

В России названные предпосылки заменяло государственное управление, хотя царской бюрократии стимулировать экономический рост, по его мнению, удавалось хуже, чем советской власти. Автор не отрицает заметного роста в России в 1885—1913 гг., но доказывает, что его источники подходили к концу, а структурная перестройка экономической сферы шла медленно. Поэтому

он делает вывод: «Если бы в истории страны не было такого эпизода, как коммунистическая революция и советские „пятилетки“, Россия и по сей день оставалась бы отсталым государством, находясь на той же ступени развития, которую сегодня занимает большинство стран Латинской Америки или даже Южной Азии» (С. 31).

Это утверждение, конечно, спорно, но оно лежит в общем русле концепции Аллена о необходимости сталинской индустриализации. На основе этой концепции он рассматривает и перспективы индустриализации при сохранении нэпа. Автор признает факт быстрого восстановления промышленного и сельскохозяйственного производства при нэпе до довоенного уровня, но отмечает проявившиеся в ходе реализации этой политики глубокие противоречия, которые препятствовали, по его мнению, дальнейшему развитию. Среди них он называет рост числа нэпманов-торговцев и владельцев мелких предприятий и подчеркивает: «Не для того коммунисты делали революцию, чтобы плодить нэпманов» (С. 74).

Действительно, среди коммунистов, как рядовых, так и руководителей, были люди, которые не могли смириться с деятельностью частников, но, пока сохранялась приверженность нэпу, большинство в руководстве страны соглашались с его необходимостью. Свобода торговли была одним из базовых принципов перехода к нэпу, и появление нэпманов стало ее неизбежным следствием.

Еще важнее пессимистическая оценка автором перспектив сельского хозяйства в условиях нэпа. Сравнивая урожайность зерновых в дореволюционной России и в США, он делает вывод: «В 20-х годах в России практически не было возможности для повышения про-

изводительности гектара земли» (С. 104). Далее он указывает, что сходная ситуация прослеживается и в животноводстве. Эта оценка не соответствует реальным фактам. До 1927 г. регулярно проводились конкурсы на культурное ведение хозяйства, в которых участвовали тысячи крестьян, добивавшихся высоких результатов: и урожайность, и продуктивность скота в них были значительно выше, чем в среднем по тому или иному региону. Такие хозяйства получали налоговые льготы, а руководители наркомата земледелия и сельскохозяйственной кооперации поддерживали и стимулировали стремление всех крестьян, включая зажиточных, развивать их хозяйства. Автор отмечает, что большевики относили таких зажиточных крестьян к кулакам — противникам нового порядка, но эта точка зрения окончательно победила лишь на заключительном этапе нэпа, когда из-за опасения быть зачисленными в кулаки со всеми вытекающими отсюда последствиями стала снижаться заинтересованность основной массы середняков в развитии своих хозяйств.

Аллен признает, что при продолжении нэпа была возможность обеспечить потребности города в продовольствии. Кризис хлебозаготовок в конце 1927 г., вызвавший чрезвычайные меры против крестьянства и свертывание нэпа, он объясняет главным образом ухудшением условий торговли — опережающим ростом цен на промышленные товары, покупаемые крестьянами, по сравнению с ценами на сельскохозяйственную продукцию. Он признает и губительное влияние коллективизации, называя ее катастрофой, приведшей к развалу сельского хозяйства, массовым репрессиям против крестьян и голоду, демографические потери от которого оценивает в 10 млн человек. Но, несмотря на это, автор делает странное и противоречащее логике утверждение: «Коллективизация стала толчком к ускорению индустриализации именно потому, что спровоцировала социальную катастрофу в аграрном секторе, а вовсе не вопреки этому» (С. 245). Задавая далее естественный вопрос, как катастрофа могла положительно сказаться на экономическом росте, он пишет: «Ответ очень прост: принудительная коллективизация заставила людей уйти из деревни и искать работу в промышленном секторе» (там же).

Такой подход связан с убеждением автора, что одной из главных причин быстрой индустриализации стало масштабное расширение занятости в промышленных отраслях и строительстве, что, по его мнению, было невозможно в условиях нэпа. Тогда государственными предприятиями управляли на основании капиталистического принципа: предприятия нанимали рабочих, только если стоимость предельного продукта их труда превышала расходы на зарплату. Как считает Аллен, в условиях структурной безработицы, существовавшей в СССР в то время, отказ от этого принципа при переходе к экономической организации эпохи Сталина с характерными для нее мягкими бюджетными ограничениями позволил увеличить темпы роста производства и продемонстрировал высокую эффективность.

В обоснование своей позиции автор ссылается на работу американского экономиста Р. Нурксе, который в 1953 г. рассматривал проблемы формирования капитала в слаборазвитых странах. Констатируя наличие избыточных работников в сельском хозяйстве из-за аграрного перенаселения, он выдвинул идею экономической целесообразности задействовать их на строительстве крупных объектов. Большой размах капитального строительства создавал новые рабочие места, одновременно порождая дополнительный спрос городского населения на продовольствие. Для его удовлетворения Нурксе считал оправданным использовать принудительные методы заготовок сельскохозяйственной продукции, применение которых облегчала коллективизация.

Эта концепция отражала некоторые черты сталинской политики в годы первой пятилетки. Но фактически крестьяне в больших масштабах переселялись в города и в период нэпа, причем с каждым годом все больше. Этот процесс подстегивался аграрным перенаселением. Уменьшить избыточное число работников в деревне можно было не только посредством коллективизации, но и при дальнейшем развитии нэпа, стимулировании роста крестьянских хозяйств. Один из ведущих советских экономистов 1920-х годов Н. Д. Кондратьев, критикуя утверждение, что повышение производительности труда в деревне усиливает аграрное перенаселение, подчеркивал: «В действительности же, повышение про-

изводительности с.-х. труда, давая в руки деревни большую массу ценностей, как раз и создает необходимую предпосылку для переоборудования сельского хозяйства, для интенсификации его, для расширения спроса на промышленные товары и т. д.»¹.

Проблему городской безработицы в период нэпа также предполагали решать на основе роста производительности труда, ведущего к расширению производства. Весной 1927 г. Л. Троцкий в своем докладе о промышленности на XII съезде партии выступил против содержания на заводах лишнего количества работников, подчеркивая, что замаскированная безработица представляет собой худшую форму социального обеспечения. Он подчеркивал, что эта форма «развращает наш хозяйственный аппарат, который... воспитывается в духе бессмысленной расточительности и безответственности»². Спустя четыре года уровень промышленного производства приблизился к довоенному, но и безработица превысила 1 млн человек, причем наблюдался дефицит квалифицированных рабочих. Несмотря на это, весной 1927 г. было принято постановление ЦК компартии о рационализации производства, в котором акцент сделан на улучшении техники и организации производства, а также указано на недопустимость содержания излишней рабочей силы на предприятиях.

По сути, и ведущие экономисты, и власть до поры до времени делали ставку на интенсивное развитие (об этом мы подробно писали, анализируя опыт индустриализации при нэпе)³. Сталинский подход заключался в использовании возможностей, которые в то время давало экстенсивное развитие на основе трудоемких способов производства, широкого применения малоквалифицированного труда с использованием репрессивных методов. Это принесло свои плоды, но не надо говорить, как это делает Аллен, об эффективности такой стратегии: она

была значительно более затратной. Сам автор пишет о миллионных жертвах коллективизации, следовательно, о сокращении числа трудоспособных граждан, что снизило возможные темпы роста.

Еще одним источником быстрой индустриализации стало, по мнению автора, ускоренное инвестирование в тяжелую промышленность. Он отвергает обычную экономическую логику, согласно которой чрезмерное вложение средств в долгосрочные инвестиционные проекты неизбежно ведет к диспропорциям в экономике и сокращает потребление населения. Автор утверждает, что такая политика привела не только к увеличению темпов роста производства, но и к повышению уровня жизни в стране, правда через несколько лет после начала форсированной индустриализации. Признавая падение потребления в ходе первой пятилетки, он пишет, что затем оно резко выросло, «в конце 1930-х годов на 22% превысив показатель 1928 г.» (С. 185). Эта оценка, основанная на данных советской статистики, достоверность которых вызывает серьезные сомнения, противоречит расчетам многих исследователей. Но даже если согласиться с оценкой Аллена, то она не может служить доказательством обоснованности чрезмерных капиталовложений в тяжелую промышленность в первой пятилетке, потому что бесспорный рост потребления во второй пятилетке по сравнению с первой был связан с отказом от такой инвестиционной политики.

Автор пытается оправдать эту политику ссылкой на различные экономико-математические модели. В частности, он приводит известную модель экономического роста сотрудника Госплана Г. Фельдмана, опубликованную в конце 1928 г. Из этой чрезвычайно упрощенной модели, далекой от реальности, где использован только один фактор производства — капитал, вытекало, что возможно сочетание быстрого роста капиталовложений в тяжелую промышленность и подъема уровня жизни населения. Аллен использовал в своих расчетах имитационную модель советской экономики, которая, по его словам, представляла развитие концепции Фельдмана. Ее существенное дополнение состояло в применении современных вычислимых моделей общего равновесия.

Применение моделей не только для прогнозирования, но и для исследования

¹ Кондратьев Н. Критические заметки о плане развития народного хозяйства // Плановое хозяйство. 1927. № 4. С. 27.

² Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 325.

³ Голанд Ю. Опыт индустриализации при нэпе и его использование в современных условиях // Вопросы экономики. 2013. № 10. С. 109—135.

прошлого, безусловно, полезно, потому что они предоставляют новые возможности для рассмотрения альтернативных вариантов исторических процессов. Вместе с тем они не могут заменить глубокий экономический анализ на основе изучения всей совокупности фактов. Без него, лишь на основе имитационных моделей, неизбежно упрощающих реальность, можно прийти к выводам, которые кажутся обоснованными, но в действительности к таковым не относятся.

Например, на основании своих расчетов Аллен делает важный, по его мнению, вывод о возможности индустриализации в рамках нэпа при его модификации, то есть ускоренном развитии тяжелой промышленности при мягких бюджетных ограничениях (под которыми он понимает прежде всего предоставление щедрых банковских кредитов), позволяющих привлекать трудовые ресурсы и избежать безработицы, при одновременном сохранении крестьянских хозяйств и рыночных связей между городом и деревней. Этот путь, как он считает, давал возможность обеспечить города продовольствием без применения принудительных методов и избежать жертв насильственной коллективизации. В то же время можно было бы повысить уровень занятости по сравнению с реалиями нэпа, хотя и в несколько меньших размерах, чем при коллективизации, и обеспечить достаточно высокие темпы экономического роста.

В действительности предлагаемый гибрид не мог быть реализован. Как показал опыт нэпа, чрезмерные темпы промышленных капиталовложений, профинансированные за счет льготного кредитования и эмиссии, вели к инфляции, нарушению равновесия на рынке, дефициту промышленных товаров в деревне и отказу крестьян от продажи сельскохозяйственной продукции, а в итоге снижали стимулы к увеличению ее производства. В этих условиях решить проблему снабжения городов продовольствием только с помощью благоприятной для крестьян политики цен, как предлагает автор, было невозможно, поскольку она не могла устранить источник неравновесия на товарных рынках. Для сохранения рыночных связей между городом и деревней требовались не только определенная политика цен, но и соответствующая денежно-кредитная

и инвестиционная политика, а также возврат к политике стимулирования развития всех крестьянских хозяйств, включая зажиточные. К тому же проводить такую стимулирующую политику цен при существенном увеличении занятости, финансируемом за счет льготного кредитования предприятий, было бы затруднительно: это означало бы повышение себестоимости производства и рост промышленных цен.

Коллективизация, как правильно отмечает Аллен, была призвана прежде всего облегчить принудительное изъятие сельскохозяйственной продукции у ее производителей. Без этого была бы невозможна форсированная индустриализация, при проведении которой нельзя было бы снабжать города продовольствием, а промышленность — сельскохозяйственным сырьем на основе рыночных методов. Предлагая сочетание разных по сути методов хозяйствования в городе и деревне, автор не учитывает реальный ход событий. Чрезвычайные меры против крестьянства, которые знаменовали отход от рыночных взаимоотношений города и деревни и привели к принудительной коллективизации, были вызваны кризисом хлебозаготовок в конце 1927 г., то есть до начала форсированной индустриализации. Разрешить его с помощью экономических методов в рамках нэпа при сохранении рыночных взаимоотношений города и деревни тогда еще можно было, и такие предложения выдвигались. Но сталинское большинство отказалось их принимать, мотивируя это стремлением ускорить индустриализацию. Они были убеждены в невозможности реализовать сочетание, о котором говорит Аллен.

Вместе с тем автор в принципе прав, когда пишет о возможности быстрой индустриализации без коллективизации при сохранении рыночных отношений между городом и деревней. Только достичь этого можно было не на основе сталинской политики в промышленности, а при повышении отдачи от инвестиций, чтобы получать те же результаты при меньшем объеме капиталовложений. Требовалось не ограничивать, а шире применять в промышленности и строительстве рыночные методы, способствующие росту эффективности использования всех ресурсов.

к. э. н. Ю. Голанд